
Социальные миры Караканского бора: перспективы сближения и императивы справедливости

И.А. СКАЛАБАН*, Т.Д. АЛЕКСЕЕВ**, П.Е. ЛАВРУСЕВИЧ***

*Ирина Анатольевна Скалабан – доктор социологических наук, профессор, кафедра социальной работы и социальной антропологии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, skalaban@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8308-19>

**Тимофей Дмитриевич Алексеев – старший преподаватель, кафедра общей социологии экономического факультета, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия, veretur@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4608-3078>

***Полина Евгеньевна Лаврусевич – старший преподаватель, кафедра общей социологии экономического факультета, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия, p.lavrusevich@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0275-1177>

Цитирование: Скалабан И.А., Алексеев Т.Д., Лаврусевич П.Е. (2024) Социальные миры Караканского бора: перспективы сближения и императивы справедливости // Мир России. Т. 33. № 1. С. 115–143. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-1-115-143

Аннотация

В статье предлагается рассмотрение социального ландшафта Караканского бора под влиянием динамического эффекта взаимодействия разных социальных миров, основанных на регулятивах сложносоставимых этосов. Исследование опирается на материалы интервью с пользователями бора и наблюдений, проведенных в ходе социологических экспедиций 2021–2022 гг. Чтобы продемонстрировать логику отношений социальных миров, реконструируются три проблемных сюжета в ландшафте бора – отношения собирателей и отдыхающих, сельских жителей и дачников, пользователей бора и лесозаготовителей. Эмпирически доказано, что большая часть видов пользования бором находится под влиянием нормативных логик патриархального мира с присущими ему императивами укорененности и естественной принадлежности, однако новые хозяйственные практики и социальные отношения в основном подчиняются более универсалистским критериям. В силу множественности конкурирующих императивов справедливости для Караканского бора пока не существует единой альтернативы патриархальному граду, но возникает ее зачаток – когерентная для большинства градов

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в сентябре 2023 г.

ситуация, которая в разных версиях восходит к нормативной идее сохранности бора как целого и леса как наиболее значимого ресурса.

Ключевые слова: *социальный ландшафт, социальные миры, природный ландшафт, Караканский бор, согласие, общее благо, императивы справедливости, прагматическая социология*

Введение

Реконструкция социальных взаимоотношений, в том числе описываемых в ракурсах «порядков», «ландшафтов» или «миров» в границах очерченного исследователем социального или физического пространства, составляет основу накопления социологического знания. Фокус исследования в таких случаях часто смещается на социально насыщенные объекты – сообщества, поселения, сферы отношений, коммуникацию. Когда речь идет об описании физических пространств, то подобная «антропо-» и «социоцентричность» в выборе объекта естественна. Однако возможна и обратная логика – фокусироваться не на социальном в пространстве, а на пространственном в социальном. Сами социальные отношения и автономные социальные миры, множественно и разнообразно сталкиваясь, пересекаясь (или не замечая друг друга), структурируются внутри привлекательного для разных групп пользователей крупного географического объекта, такого, например, как лесной массив, в нашем случае – Караканский бор.

С этих позиций Караканский бор сегодня – это пространство живого, естественного социального эксперимента. Категории акторов, действующих здесь, очень разнообразны и в настоящий момент проходят через принципиальные трансформации статус-кво. Бор – не только поле для реализации несопоставимых экономических и коммуникативных практик, репрезентации варьирующихся культурно-ценностных ориентаций, но и пространство, которое бросает вызов всем акторам. Не само разнообразие акторов, а сочетание этого разнообразия с изменяющейся структурой, о которой уже ясно, чем она перестала быть, но еще не понятно, чем станет, – отличительная особенность нашего объекта исследования. Именно в таких обстоятельствах прокладываются новые пути взаимодействия, формируются солидарности и выстраиваются контракты. Поэтому попытка описания социального ландшафта Караканского бора и формирующих этот ландшафт миров – это выход на устойчивые различия, при помощи которых структурируется восприятие социального микрокосма этого пространства как его «уверенными пользователями», так и «случайными знакомыми». Какими акторами населен бор? Как они выстраивают и обосновывают порядок пользования бором, определяют свою позицию друг относительно друга и как действуют *в этих качествах*?

Цель статьи – описать социальный ландшафт Караканского бора через логики справедливости и перспективы сближения социальных миров его пользователей.

Мы не пытаемся дать сплошной обзор практик социального взаимодействия в бору, а, скорее, описываем типичные сюжеты, выступающие характерными для бора, со своими множественностью, разнообразием и трансформациями.

Социальный ландшафт и социальные миры локального пространства: основания для формирования согласия в пользовании бором

Утверждения о концептуальной непроработанности понятия «социальный ландшафт» стали общим местом в работах авторов, стремящихся вписать его в теоретическое поле исследования. Еще с эпохи становления пейзажной (ландшафтной) географии Альфреда Геттнера, органической школы Ф. Ратцеля, географии человека П. Видаль де ла Блаша, локальность и ландшафт тесно увязывались с присутствием человека. Последний вносит «своим взором» эстетическую ценность в ландшафт [Геттнер и др. 2006], включается в игру природы, где окружающая среда является партнером (антропогеография Ф. Ратцеля), создавая локальные культурные очаги. «Географическая индивидуальность, – писал Видаль де ла Блаш, – не есть что-то данное заранее природой; она лишь резервуар, где спит заложенная природой энергия, которую может разбудить только человек» (цит. по: [Жданов 2013, с. 3]).

Социальный ландшафт, локализованный в физическом пространстве, многообразен и метафоричен. Его описание может опираться на широкий спектр объективных параметров – «общественные структуры, специфические по происхождению и по организации, локализованные на определенной территории» [Шумкин, Шумкина 2017, с. 319], специфические социальные группы, объекты и артефакты, социальные практики, включая нормы, ценности «актуальные в данной локации в данное время» [Труфанов 2020, с. 10], процедуры, компетенции; отношения/связи между субъектами, в том числе отношения власти/влияния [Ryan 2011, p. 362]. Возможно включение в этот список и субъективных характеристик – образов, идентификации, чувства общности и чувства места. Избираемый набор признаков позволяет взглянуть на социальный ландшафт как на карту, фиксирующую в локальном пространстве множественность состояний и недетерминированных отношений, превращая их в «миры». Именно в таком ракурсе социальный ландшафт представлен в феноменологической традиции – как специфическое по происхождению и характеру сложившихся взаимодействий территориально локализованное социальное пространство, внутри которого социальными группами (общностями) конституируются и конструируются пересекающиеся социальные миры [Абельс 2000, с. 74]. Важно, что миры – «это не просто совокупность материальных вещей, а континуальная непрерывность субъективных реакций и рефлексий относительно происходящих в обществе изменений» [Виноградский, Виноградская 2023, с. 362], что обуславливает их изменчивость и множественность.

Социальный ландшафт не статичен, и, будучи артефактом, продуктом истории, непросто переживает изменения, нередко требуя направленных усилий по его поддержанию. В этом ключе возможности для его понимания предлагает прагматическая социология. Она продолжает постструктуралистскую традицию осмысления реальности, открывает возможность сравнения по одним и тем же параметрам разных социальных объектов и ситуаций различной природы, позволяя выделять и сопоставлять многообразные компромиссные диспозитивы (факты и предметы, вовлеченные в ситуацию и используемые в качестве доказательств), благодаря которым достигается согласие и удерживается статус-кво.

Будучи проявлением «справедливо обоснованного порядка» [Болтански, Тевено 2013, с. 80], социальные миры приобретают значимость только в случае

их способности придавать ценность тем или иным объектам, в нашем случае, месту и объектам, непосредственно и символически связанным с местом. Каждый из ансамблей объектов, соответствующий тому или иному общему принципу, разделяемому группой индивидов, значимому общему благу, образует связный самодостаточный «мир» [Болтански, Тевено 2013, с. 80]. Лоран Тевено и Люк Болтански выделяют *мир вдохновения, патриархальный мир, мир репутации, мир гражданский, рыночный мир и мир научно-технический (индустриальный)*. Они отличаются принципами величия, которые определяют положение индивида в соответствующем мире. Мир вдохновения иррационален, здесь «ценится своеобразное и уникальное» [Болтански, Тевено 2013, с. 254], а «естественные отношения – это отношения творчества, созидания, творения» [Болтански, Тевено 2013, с. 256]. Порядок патриархального мира зиждется на традиции и иерархии. В мире репутации, напротив, «мало значения придается памяти» [Болтански, Тевено 2013, с. 280], а «величие зависит от известности» [Болтански, Тевено 2013, с. 282]. В гражданском мире первостепенное значение принимают коллективные образования, и особенно ценится законность [Болтански, Тевено 2013, с. 292]. Движущая сила рыночного мира – желания, которые побуждают индивидов к обладанию редкими благами [Болтански, Тевено 2013, с. 307], регулятором отношений здесь выступает цена. Научно-технический мир базируется на результативности, производительности и ответственности, а бесхозяйственность, расточительство – это «отрицательные качества» [Болтански, Тевено 2013, с. 320].

В отличие от малых жизненных миров, продуцируемых отдельными индивидами и включающими основной спектр повседневных интересов, социальные миры, будучи результатом широких коллективных практик и опыта, содержат маркеры общего. Это создает перспективы сближения внутри миров и открывает возможности «для достижения нетривиальных соглашений между людьми, а также для возникновения разногласий» [Болтански, Тевено 2013, с. 129] в конкретных ситуациях.

Когда сегмент социального пространства локализован в уникальном природном объекте, задаваемый социальными мирами ландшафт представляет собой социоэко-систему или биорегион, который мыслится как географическая единица, отмеченная экологическим и культурным единством [Sale 1985, p. 110]. Несмотря на то, что Л. Тевено и Л. Болтански предостерегали от соотнесения социальных миров с конкретной территорией, в нашем случае не изучаемый объект (бор) обладает логикой определенного мира, а, скорее, логики различных миров пересекаются в нем и являют себя в разных видах коммуникаций и форм взаимодействия индивидов и групп.

Многообразие форм пользования бором, базирующееся на разнообразии акторов и наделяемых ими ценностью объектах и вещах, неизбежно ведет к пересечению социальных миров, рождая уникальные формы как конвенциональности, так и конфликтности в отношении образа жизни и стратегий пользования природными ресурсами, что находит выражение в конкретных ситуациях. Один из основных драйверов формирования таких ситуаций – физическое и символическое присвоение пространства разными группами пользователей территории. В этом случае элементы ситуации – люди, формальные и неформальные нормы, традиции, орудия и наименования – оказываются связанными между собой либо противопоставлены другим пользователям. В результате возникают конфликты (например, конфликт из-за пользования береговой территорией между дачниками и туристами) или соглашения, в которых факт присвоения признается «естественным правом» той или иной группы пользователей. Например, отсутствие напряжений между местными жителями и дачниками

в ходе освоения последними прибрежных территорий населенных пунктов в границах неиспользуемых в настоящее время хозяйственных зон. Образующие когерентные ситуации (последовательные и естественно воспринимаемые всеми), соответствующие в представлениях взаимодействующих субъектов естественному положению вещей и основанные на разделяемых высших императивах справедливости разных миров, создают основания для конвенционального пользования бором.

Важно, что базисом этому служит не столько достигаемое единство мнений в отношении конкретной ситуации, сколько множественность интерпретаций когерентных ситуаций, по-разному справедливых внутри логик разных социальных миров. Идентификация объекта как значимого и уникального возможна с разных позиций. Это и обеспечивает возможность сближения между акторами в отношении общего ресурса и сохранения определенного согласия в одном социально-территориальном пространстве при наличии разных социальных миров.

Однако для акторов, действующих в одном природном и социальном ландшафте, не всегда может быть актуально сближение. Необходимость в нем отпадает в ситуации пространственной сегментации территории между пользователями, формирования образа жизни, при котором различные группы могут «не замечать» друг друга, уклоняться от необходимости контактов. Бор отличается тем, что большая часть видов осуществляемой в нем деятельности периферийна в экзистенциальном смысле. Сбор грибов и ягод, охота, отдых выходного дня и даже наличие дачи редко становятся ядром сборки идентичности, основой самоидентификации. Мы исходим из того, что само по себе пользование общим физическим пространством не сближает. Сближение не обязательно даже в пространственно близких дистанциях, каковыми являются освоенный фрагмент бора или берег водохранилища. Однако, если плотность пользователей в локациях такова, что вынуждает их к режимам хотя бы «гражданского невнимания», возникают общие ситуации, требующие определенных режимов взаимодействий и актуализации адекватных им императивов справедливости. Взаимодействия в этом случае могут строиться не только на непосредственных коммуникациях, но находят опору в объектах реального мира. «Созданный таким образом порядок в равной степени определяет и сближает как людей, так и предметы» [*Болтански, Тевено 2013, с. 73*].

Следуя логике прагматического подхода, сосредоточимся на нарративах различных персонажей – пользователей бора, напрямую или контекстно содержащих апелляции к справедливостям. Сравнивая их между собой, мы сделаем попытку соотнести разных акторов с теми или иными социальными мирами.

Эмпирическая база

Эмпирические данные были собраны в ходе реализации проекта «Неформальные практики природопользования Караканского бора: между социальным присвоением и социальной кооперацией»¹. Пять социологических экспедиций, состоявшихся

¹ Проект реализовался при финансовой поддержке Фонда поддержки социальных исследований Хамовники. Руководитель проекта – И.А. Скалабан, участники – П.Е. Лаврусевич, Т.Д. Алексеев, Е.А. Грач, А.В. Дубынин (<https://khamovniki.ru/neformalnye-praktiki-prirodopolzovaniya-karakanskogobora-mezhdu-socialnym-prisvoeniem-i-socialnoj-kooperaciej/>, дата обращения 12.12.2023).

в июле–августе 2021 г., сентябре 2021 г., феврале 2022 г. и в июле 2022 г., были объединены общей программой этнографического кейс-стади. Методы сбора первичных данных состояли в невключенном, слабоструктурированном наблюдении, картографировании береговых туристических стоянок в северной части бора, полуформализованных интервью и свободных беседах. Массив данных исследования составил 96 интервью общей продолжительностью более 70 часов и более 100 дневниковых записей, охватывающих 43 дня экспедиций. Пользователи бора представлены резидентами самых разных социальных групп – жителями сельских населенных пунктов (58 информантов, в том числе восемь глав сельских поселений, два фермера и т.д.), горожанами-дачниками (17 информантов) и горожанами-туристами (12 информантов). Так или иначе связаны с лесной отраслью (владельцы и сотрудники лесоперерабатывающих предприятий, егеря, лесники) девять информантов. Среди информантов есть и жители города, соприкасающиеся с бором только в рамках своей профессиональной деятельности (общественные активисты, глава экологического фонда, владелец рекреационного бизнеса), всего четыре человека. Наблюдаемое количественное распределение информантов обусловлено разной доступностью отдельных категорий, в том числе оседлостью или мобильностью, открытостью или закрытостью группы как таковой. Свободные беседы с пользователями бора не поддаются точному подсчету, поскольку их продолжительность могла варьироваться от нескольких фраз до достаточного продолжительного разговора. Содержание бесед изложено участниками исследовательской группы в ежедневных дневниковых записях. Аудиозаписи интервью прошли процедуру транскрибирования и затем в совокупности с дневниковыми записями подверглись тематическому кодированию, для проведения которого было использовано свободное программное обеспечение QualCoder².

Социальный ландшафт Караканского бора

Караканский бор расположен в границах Новосибирской области и Алтайского края. Его протяженность с севера на юг вдоль Новосибирского водохранилища составляет около 100 км, расстояние до ближайшего крупного города, Новосибирска, – 110 км. В другом измерении, с востока на запад, размеры бора более скромны – 15–20 км. Деревни и села Караканского бора, расположенные вдоль его границ, образуют своеобразное «кольцо». Оно опоясывает бор с одной стороны по береговой линии Новосибирского водохранилища, и с «обратной» стороны по так называемой подборнице или в подборье. Территориальная структура поселений бора сформировалась за достаточно короткий по историческим меркам период (с конца XVII до начала XIX вв.), и основной состав деревень за редким исключением сохранился до настоящего времени – Завьялово (1746 г.), Ерестная (1750 г.), Нижнекаменка (1705 г.), Усть-Хмелевка (1816 г.), Абрашино (1807 г.), Чингисы (1719 г.), Милованово (1724 г.), Малетино (между 1721 и 1745 гг.), Соколово (до 1745 г.), Дресвянка (1676 г.), Татчиха (1705 г.), Рождественка (1705 г.), Маюрово (вероятно, 1751 г.), Шигаево (вероятно, 1759 г.), Битки (1696 г.), Артамоново (1708 г.), Шайдурово (вероятно, 1650 г.), Ключи (вероятно, 1762 г.), Столбово (1700 г.), Аллак (до 1719 г.) (*рисунок 1*).

² Curtain C. (2023) QualCoder 3.3 [Computer Software] // <https://github.com/ccbogel/QualCoder>, дата обращения 29.07.2023.

Рисунок 1. Населенные пункты, расположенные по периметру Караканского бора

Исторически караканское кольцо населенных пунктов развивалось как единый комплекс с дифференцированными хозяйственными и социальными связями. Характерной чертой микрорегиона всегда была его административная «фронтирность» – перманентная удаленность от центров местного управления территорией и «административное приграничье», что способствовало меньшему надзору и большему удельному весу неформальных практик социального и хозяйственного регулирования, что характерно и для настоящего времени. Сегодня бывшие хозяйственные и социальные связи существенно ослабли под влиянием (а) административного деления, (б) появления новых и деградации старых транспортных путей, (в) сокращения хозяйственной активности и, как следствие, (г) межпоселенческой мобильности. Отдельные связи сохраняются лишь по осям прибрежных населенных пунктов и подборицы. В бору минимально, даже, скорее, потенциально присутствуют поперечные («транскараканские») пути, исключая дорогу Сузун – Шайдурово – Чингисы.

Важнейший интегрирующий фактор – река Обь. Речное сообщение длительное время было основным способом транспортировки леса, сельскохозяйственной и иной продукции, а суда являлись пассажирским транспортом для резидентов Караканского бора. Селения подборицы, производящие хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию, столетиями были тесно связаны с населенными пунктами у реки, где находились хлебоприемные пункты, осуществлялась частичная переработка (мельницы) и транспортировка зерна и леса по реке. Создание в 1959 г. Новосибирского водохранилища, а затем и прокладка новых автомобильных дорог привели к трансформации сложившейся системы отношений.

В настоящее время водные транспортные пути задействованы слабо, но водоем важен как рекреационный фактор. Теплая вода водохранилища, разнообразный природный ландшафт береговой линии определяют высокую популярность бора как места летнего отдыха у жителей не только Новосибирской области, но и близлежащих регионов – Томской, Кемеровской, отчасти Омской областей, Алтайского и Красноярского края. Рекреационное освоение бора ведет свое начало с 1950-х гг. через практики самодеятельного туризма с пересекающимися с ними практиками собирательства и рыболовства, через появление в селах дачников-горожан и организованный отдых на ведомственных базах отдыха институтов Сибирского отделения Академии наук СССР. Постепенное, а с 2000-х гг. взрывное, увеличение доступности боровых территорий за счет улучшения качества автодорог для проходимости личного автотранспорта обусловило критическое «заселение» бора горожанами в высокий летний сезон. В этом же направлении повлияли и события 2020–2023 гг., значительно снизившие возможности зарубежного туризма и перераспределившие туристические потоки внутри страны. Это привело к постепенной дифференциации населенных пунктов бора по составу населения. В береговых сельских населенных пунктах доля дачников достигает 40–60 % (по данным сельских администраций), а две деревни (Ерестная и Абрашино) превратились в дачные поселки, в которых постоянно проживает не более 10–20 чел., а в летний период число жилых дворов возрастает до 500.

Активная рубка леса, осуществляемая в индустриальной логике советского лесопромышленного комплекса с середины 1930-х гг., в конце 1960-х гг. сменилась поступательным сокращением лесозаготовок. Однако трансформационные процессы 1990-х гг. и последующих двух десятилетий нанесли серьезный удар по сохранности бора и лесоперерабатывающей инфраструктуре. Лишь последние несколько лет информантами субъективно отмечается сокращение добычи леса: определенную роль сыграло заявление о создании региональной особо охраняемой природной территории (ООПТ) Природный парк «Караканский бор» общей площадью 100 864 га в северной и центральной частях бора³. Однако до настоящего времени никаких принципиальных действий непосредственной организации ООПТ не произведено.

Все большее разнообразие пользователей бора формирует сложный социальный ландшафт, структурным элементом которого выступают отчасти пересекающиеся, отчасти изолированные общности, которые «нельзя целиком и полностью

³ Постановление Правительства Новосибирской области от 17.08.2022 № 389-п «О создании особо охраняемой природной территории регионального значения – природного парка “Караканский бор” Новосибирской области и об утверждении Положения об особо охраняемой природной территории регионального значения – природного парка “Караканский бор” Новосибирской области” // Официальная Россия // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5400202208170001?ysclid=locztpwwu9766510228>, дата обращения 2023.

свести ни к одному из миров» [Болтански, Тевено 2013, с. 306]. Наблюдаемые ситуации сближения/расхождения миров можно зафиксировать в принципиально разных физических версиях пространства бора: в границах населенных пунктов, т.е. в преобразованном ландшафте, где встречаются местные жители и дачники-горожане, и вне таковых, в непреобразованном естественном ландшафте бора, обживаемом собирателями и береговыми туристами. Эмпирическая база позволяет проанализировать ситуации как внутри групп пользователей (туристов и собирателей), так и между ними (местными и дачниками), а также изучить возможность их сближения в ситуации угрозы со стороны лесозаготовителей.

Такова исследовательская логика анализа социального ландшафта Караканского бора. Общий фундамент этого ландшафта исторически укоренен в императивах справедливости патриархального мира, поэтому рассмотрим его прежде всего как основание наблюдаемой многомерности и многомирности.

Патриархальный мир Караканского бора

Большая часть коммуникационных напряжений, которые освещаются в дальнейших разделах статьи, укладывается в логику возникновения в отношении бора нарративов, конкурирующих с патриархальным миром. Социальный ландшафт Каракана трансформируется под влиянием рыночных, научно-технических и гражданских идеологий в пространство, изначально организованное по законам патриархального мира, в основе которого лежат специфичность отношений, партикулярная этика присутствия и личные зависимости. Следствиями этих сохранившихся особенностей организации мира являются, с одной стороны, устойчивость и эстетическая привлекательность, с другой, ретроградная тенденция, риск изоляции и ригидность социальной структуры.

Характеризуя патриархальный мир, Л. Тевено и Л. Болтански отмечают, что в нем в поисках справедливости важны указания на род, традиции, а значимость подчеркивается личным присутствием среди других [Болтански, Тевено 2013, с. 260]. Общесоциологические ассоциации с этим миром включают в себя аграрный хозяйственный уклад, общинную солидарность и народную культурную традицию. Исторические формы хозяйствования на исследуемой территории подчинялись логике этого мира, а хозяйственные отношения были основой социальной жизни.

Исторически все экотопы бора рассматривались местными крестьянами утилитарно – как потенциальные пашни, сенокосы или пастбища, лесные надель. Хозяйственные отношения, выстраивающиеся вокруг этого ландшафта, складывались на партикуляристских общинных принципах и вырабатываемых между общинами «нормах поведения и гибкой сети взаимных зависимостей» [Сычев 2015, с. 740–741]. Субъекты поземельных споров о претензиях на пользование конкретными сегментами пространства и справедливости их границ определялись через договорные практики. Императивом справедливости становилась длительность эксплуатации (традиция), адекватность межобщинного обмена или, позже, нормативные предписания по землеустройству. Однако вырабатываемые соглашения обесценивались или оспаривались в ходе изменения и физического или символического присвоения

крестьянами ландшафта – появления новых земель ввиду вырубки фрагментов бора или прямого захвата [Любимова 2020, с. 766]. Восприятие леса как безусловного общего блага для живущих бором даже в случае его «казенного» статуса поддерживало и продолжает поддерживать основания патриархального мира.

В настоящее время, населенный живыми интересантами, патриархальный мир успешно держит некоторые позиции и по сей день, а временами отвоевывает новые, встраиваясь в зазоры и серые зоны между конкурирующими логиками иных миров, особенно в ситуации угрозы изменений. Общий контекст социальной среды бора обладает общинным оттенком, высокой значимостью отношений личных, построенных на ценности длительного совместного пребывания в пространстве и пользования им.

Хорошо заметно, как патриархальный мир наследуют такие практики, как сбор валежника или точечное браконьерство. Это те практики, в которых критериями справедливости патриархального мира бросается вызов миру гражданскому. Браконьерство может рассматриваться охотником как естественное и не зазорное, если осуществляется без лицензии.

«<...> выхожу из ограды с ружьем, ну, чтобы пешком пойти на охоту. <...> У меня ни лицензии с собой не было, ну, браконьерил» (охотник из боровой деревни).

При этом оно предосудительно в тех аспектах, которые противоречат традиционным нормам пешей охоты.

«А охота с применением техники – это браконьерство. <...> Всегда была. <...> А которые не охотники по душе по своей, а просто имеют ружье, имеют технику: подъехал к глухарю, его жаснул, двадцать метров, пятнадцать метров. И они считают это охотой» (охотник из боровой деревни).

Сбор валежника воспринимается в качестве естественного права, и изменения в формальных нормах его сбора становятся неприятной неожиданностью:

«Были случаи, едут ребята, видят – повалено дерево, они берут его и их тут же накрывают» (Ерестная, дачник).

«Я надеюсь, вернется как-то на круги своя, чтобы местным жителям можно было проще прийти и забрать этот валежник, нагрузить. Как раньше вот выезжали же, собирали» (береговая линия, глава сельсовета 1).

Естественные права на использование природных ресурсов патриархальны по своей природе, поскольку восходят к практикам прошлых поколений. Как правило, они артикулируются только в случае конфликта, поскольку воплощены в форме неявного знания. Другой пример – старые ягодники. Хотя в целом

собираемость в лесу остается доступным, старожилы считают проблемой невозможность добраться до исторических «своих» мест сбора в силу рыночной активности лесозаготовителей, оставляющих после себя разбитые лесные дороги.

«Там, где мы раньше когда-то брали ягоды, в 70-е годы, в 80-е годы, сейчас мы туда уже не ездим. <...> Может быть, там и есть, но мы добраться не можем, там такие дороги. <...> Лесовозами все искорежено» (Нижнекаменка, жительница села).

Часто в нарративах сама возможность отправиться в «свое» место важнее ягоды как таковой. В этой же логике строятся негативные реакции в обсуждениях перспективы создания природного парка. Информанты, у которых этот проект вызывал опасения, выдвигали аргументацию вокруг того, что гражданская озабоченность «экологией» прервет органическую связь местных жителей с лесом.

«Смысл-то какой? <...> Чтобы людей не пускать, или как?» (Абрашино, дачник).
«У многих же такая идея: весь Караканский, вообще все запретить, ах, они какие плохие, вырубают. <...> И мы, по сути, местные жители. <...> Я здесь живу, например, я бы и моя соседка, мы с ней на лыжах ходим. <...> Мы присматривали бы за этим лесом» (Завьялово, жительница села).

Однако в патриархальной норме, транслируемой информантами, можно выделить три варианта. Первый, «естественная патриархальность», выражает диспозиции укорененных местных жителей, сохраняющих связь с сельским хозяйственным и социальным укладом.

«Я тут живу, я должен всех похоронить, со всеми соседями поздороваться» (Малетино, житель села).

Естественная патриархальность – прямое наследие традиционного уклада прошлого, она наиболее устойчива, но в наименьшей степени регулирует актуальное действие и интересы. Обладая в большей степени символическим, чем практическим, значением, естественная патриархальность существует как культурный ресурс или ресурс самоопределения.

«Я вышла сюда замуж» (Малая Крутишка, жительница деревни).

В этом смысле в соответствии с естественно патриархальной нормой действует любой актор, ссылающийся на традиционность порядка («всегда») и устойчивость локальных институтов, даже если они касались предметов иного социального мира.

«Я вот думаю, вообще Чингисы всегда были, потому что здесь был лесхоз» (Чингис, жительница села).

Естественную патриархальность трудно уловить в каких-либо практиках, кроме дискурсивных. Нормы реально наблюдаемой хозяйственной и социальной жизни так же далеки от ее стандартов, как современная жизнь деревни далека от жизни общины в аграрном обществе. Лучшее приближение к естественной патриархальности в действии демонстрируют акторы, которые под давлением личностной интериоризации увеличивающегося числа миров чаще выбирают поведенческие стратегии изоляции, консервации прошлого. Для естественной патриархальности характерна ориентация на приписанный статус, даже некоторая безальтернативность. Традиционный репертуар ролей, хозяйственных практик и форм взаимодействия требует от актора полной отдачи по факту своего существования. Этот репертуар, однако, с течением времени перемещается преимущественно в инстанции воображения, и поэтому практически для старожилов обычно означает тенденцию к самоизоляции. Поскольку требования, предъявляемые естественно-патриархальной нормой, носят экзистенциальный характер, а практически полное погружение в патриархальный мир невозможно, можно сказать, что этот вариант нормы носит оборонительный характер.

«А че, когда общаться. Каждый воткнет голову в свою землю и пашет. А городские тем более: они приезжают наездами. <...> И они к нам не ходят, и мы к ним не ходим» (Ерестная, коренная жительница деревни).

«Я даже не хочу за ворота выходить, мне кажется, там пыльная дорога, там все по-другому, там климат даже другой, просто за воротами. <...> Я выезжаю только в магазин по необходимости что-то закупить, за опилками съездить, за грибами, за ягодами» (Нижнекаменка, дачница).

Нарративы информантов, чья социализация прошла, конечно, в советской деревне – не самый чистый пример воздействия патриархального града: он до некоторой степени входил в прямое противоречие с государственным курсом на модернизацию. Идея не в том, что патриархальность была тотальной, а в том, что она была социальной базой, «клеем» солидарности и основой воспроизводства практик между поколениями на уровне повседневности.

Второй вариант патриархальной нормы – *компромиссная патриархальность*, возникающая вследствие поздней инкультурации в сильный патриархальный мир или ослаблении его норм при длительном проживании в городской среде, что проявляется в логике дачников, родившихся в этих местах или длительно сезонно проживающих. Принятие логик справедливости этого града давалось им естественным образом на первых порах, однако в рефлексии о текущем положении дел компромиссно патриархальные акторы указывают, что патриархальный мир размывается, отходит в прошлое.

Ностальгическая окраска проявлений патриархального мира в этом варианте нормы, как правило, обусловлена проживанием смены поколений на примере

собственной семьи. Также компромиссная патриархальность нередко носит оборонительный характер («не хочу, чтобы она превращалась во что-то другое» (Ерестная, дачница). Десятилетиями посещающие бор дачники, туристы, грибники апеллируют к базовому императиву и основанию величия – «укорененности» в ее самом простом, скорее, количественном измерении – длительности пребывания или проживания [Плюснин 2013, с. 64].

В ходе бесед с дачниками и туристами мы обратили внимание на непереносимость обоснования длительностью проживания в ситуациях презентации себя, а также аргументации в спорах.

«Мы отсюда родом, и родители сюда ездили» (туристы-старожилы о месте стоянки на берегу).

«У нас здесь дача уже <...> сорок восемь лет» (грибник, случайно встреченный в лесу).

При этом данный принцип часто оспаривается носителями иных миров.

«Их самый бредовый бред в том, что они себя считают главными здесь. <...> Они не очень восприимчивы к чужакам, скажем так, они их терпят» (Рождественка, дачник).

В сравнении с естественной патриархальностью меньшая устойчивость компромиссной объясняется актуально прожитым опытом потери патриархальным градом господствующего положения даже внутри личной иерархии миров. Опыт утраты и отчуждения от патриархального порядка, нередко подкрепленный первичным статусом чужака, снижает ее символическое значение в сравнении с логиками иных миров. Что касается конкретного действия, компромиссная патриархальность обладает большей гибкостью и, следовательно, легче встраивается в повседневные аргументации, особенно сопротивления изменениям, открывая возможность для совмещения с логикой и императивами иных миров.

Неуверенность в том, следует ли себя ассоциировать с не вполне присвоенным прошлым или не вполне освоенным настоящим – основной нерв компромиссной патриархальности. Хорошим пояснением к этому соображению выступает наличие в караканских селах писателей и других представителей творческого мира. «В мире вдохновения естественные отношения – это отношения творчества, созидания, творения» [Болтански, Тевено 2013, с. 256]. Компромиссная патриархальность перетекает в мир вдохновения и творчества на примере таких авторов, как Владимир Берязев⁴, Олег Лыков⁵, Иван Марковский⁶, Петр Дедов,

⁴ Берязев В. (2015) Радуга над Караканом // Livejournal // <https://berязев.livejournal.com/432424.html>; Берязев В. (2022) Абрашинская осень // Русский переplet // <http://www.pereplet.ru/text/berязев30oct22.html>, дата обращения 27.07.2023.

⁵ Лыков О.М. (2007) Ордынская хроника: с древнейших времен до наших дней: в 3 кн. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство.

⁶ Чтобы писать хорошую прозу, надо жить в Караканском бору и работать при керосинке... (2005) // VN.ru. 26 апреля 2005 // <https://vn.ru/news-41996/>, дата обращения 27.07.2023.

Юрий Привалов. Причем речь идет не только о появлении собственно писателей, но и в целом о дрейфе патриархальной нормы в поэтическую, литературную плоскость, в которой символическая ценность укрепляется через претензию на вечность.

*«А еще земли свеченье,
Зелень, сосны-крепьшии!
Каракан – не просто слово
– Состояние души!»*

Стенд в этнографическом уголке
библиотеки с. Нижнекаменка

Наконец, патриархальная норма выступает в игровом варианте⁷. К *игровой патриархальности* мы относим стратегическое использование логики патриархального града актерами, больше погруженными в городскую жизнь с ее логиками гражданского или рыночного мира. Воображаемая или сознательно реконструируемая логика патриархального мира в режиме игровой патриархальности становится способом вписывания себя в еще одну жизненную среду, а конкретно – в социальный ландшафт Каракана.

«Вот в этом экологически чистом хорошем месте была еще и эта деревенская размеренность, когда сама природа рисует тебе, чего делать: “Сегодня лето, вот делай то, что летом, вот завтра будет зима, будешь делать то, что зимой”» (Рождественка, дачник).

Но ее манифестация может одновременно сопровождаться апелляцией, например, к миру рынка, и она с ним не конфликтует.

«А здесь вот экологический аспект, даже вплоть до экологических туров, просто Клондайк, Эльдorado, тут все есть для этого» (Рождественка, дачник).

Этика присутствия, личные отношения со средой и строго определенный круг общения акторов соответствуют патриархальному граду, но функционируют как периферийное исполнение, которое уместно называть игровым.

Игровые патриархальные типажи – это и дачники, едущие за патриархальным оттенком отношений (в особенности охотники), или с недавних пор постоянные

⁷ Игровые и имитационные логики вполне заслуживают того, чтобы быть выделенными в отдельный град или описанными как потенциальные альтернативы для «прямых» проявлений любого мира. Общая тональность изложения у Л. Тевено и Л. Болтански, однако, отличается предельной серьезностью, и критический пафос теории градов стилистически отгораживает себя от тех предметных полей, где царит небуквальность и живет человек играющий.

жители деревень (православное сообщество дачников в селе Завьялово, которое сформировалось вокруг монастыря). Глубина погружения в игру может варьироваться, но в любом случае обусловлена непатриархальными предпосылками – духовными или эстетическими поисками, рациональным выбором, культурным вкусом да и просто усталостью от городских проблем и обязательств.

В некотором смысле история патриархальности в Каракане – это история движения от конкретного патриархального мира к абстрактному патриархальному граду. «Спрос» на это обусловлен и репутацией места (патриархальным имиджем боровой жизни), и генетическими проблемами гражданского и рыночного градов, состоящих в абстрактности логик справедливости, нечувствительности к конкретике места и личным связям, контрактной основе отношений.

Укорененность – главный эффект, производимый патриархальным миром. Она является важным ресурсом удержания социального ландшафта, функционирует как «клей», позволяет определять «своих» и «чужих», отбирать и фильтровать акторов и их практики. Вместе с тем укорененность представляется противоречивым основанием солидарности, так как она очень селективна, не демократична, не базируется ни на каких экстернализируемых стандартах. Приверженцы компромиссного и игрового вариантов легко идентифицируют в близком и настоящем экзистенциальные угрозы и реагируют на них. Функционируя по принципу неявного знания, инкорпорированного свойства наподобие габитуса, этот патриархальный «клей» сильно зависит от межпоколенческого транзита, большой личной отдачи и временных вложений.

«Береговые» и собиратели: коллективное производство социальных миров

Естественный ландшафт бора – это место преимущественной дислокации береговых туристов и собирателей самых разных категорий: от буквально вросших в ландшафт туристов-старожилов, *«иногда до первого снега»* проживающих на берегу, и профессиональных грибников, осуществляющих сбор, в том числе в коммерческих целях, до горожан, приехавших в бор *«посмотреть грибы»*, *«подышать воздухом»* и/или провести выходные в палатке на берегу. Укорененные береговые туристы, люди часто из разных городов, знакомятся во время отдыха, сохраняют и передают друг другу места стоянок, вместе ухаживают за ними, согласовывают время заезда, и эти связи поддерживаются десятилетиями.

Мир берега во многом патриархален прежде всего компромиссной патриархальностью. Временами туристы-старожилы демонстрируют удивительную укорененность, не подкрепленную никакими формальными основаниями, но консолидированную личными отношениями внутри сообщества и радением о присвоенном пространстве.

«Вдоль берега тут все друг друга мы знаем, все-все вот эти стоянки. <...> Тут все подготовлено. Мы все для себя сделали» (туристы-старожилы, опыт пребывания более 30 лет).

Таков императив справедливости берега, дополнительной аргументацией которого, более понятной для носителей других миров, выступает следование культуре туризма.

«[раньше – прим. авторов] было понимание, что не надо оставлять мусор, не надо сжигать биваки» (туристы-старожилы, опыт пребывания 20 лет).

Патриархальная апелляция к усвоенному, передаваемому через поколения, опыту характерна и для собирателей, несмотря на принципиально более значительную гетерогенность и территориальную разобщенность данной группы.

«Мне было два с половиной года, бабушка меня учила – гриб срезала, закрыла» (Ерестная, дачник, грибник).

Претензией на величие как среди регулярных туристов, так и среди собирателей, обладают наиболее укорененные пользователи бора, всячески подчеркивая в своих нарративах ценность опыта и усвоенность норм поведения.

«Вся жизнь <...> из моих шестидесяти семи лет у меня здесь, сорок три года сюда отмотала» (турист-старожил).

Если для береговых нет единого самоопределения (наименование «старожилы» дано авторами), то вершину иерархии собирателей занимают «системные грибники» (самоопределение информантов):

«Мы – системные грибники, мы сколько здесь торчим с 2000-х, столько мы и занимаемся сбором грибов и ягод», «это с детства идет, ты с детства собираешь грибы» (Абрашино, дачники).

Навыки системного грибника включают:

- знание мест, наличие «своих» мест: *«у каждого приличного грибника свои места есть»* (Абрашино, укорененные дачники);
- знание особенностей произрастания даров леса и ранжирование их вкусовой привлекательности: *«Маслята собирали, <...> у приличных грибников это ни о чем»; «Считается, лисички, рыжики – высший пилотаж»* (Абрашино, укорененные дачники, грибники); *«Опять посмотреть надо будет, потому что ночи холодные. И опускается, ну, туман сильно ночью»* (Ерестная, дачник, грибник); *«Если в лес ехать, то это часиков так в семь, полвосемьмого, когда грибы начинаются»* (Ерестная, дачник, грибник);

– разумное ограничение объемов сбора прежде всего личным потреблением: *«Если прям далеко и конкретно, это уже с семьей, например, или со знакомыми. Ну, что мы там наберем? Так, себе только»* (Завьялово, жительница села).

Если перенести эти составляющие величины на берег, то также главным фактором станет наличие «своего» места, стоянки (*«У меня большая территория»* (туристы-старожилы, опыт пребывания более 30 лет)), знание и соблюдение правил поведения на берегу (*«Люди не понимают, что через чужую стоянку ходить нельзя»* (туристы-старожилы, опыт пребывания более 30 лет)). Кроме того, важны поддержание ресурсности туристической локации (благоустройство бивака, соблюдение чистоты, *«у нас нет помоек здесь, на нашем заливе»*) и личные связи, особенно среди «ответственных за место»:

«Поляне уже все семнадцать лет. Мы друг друга выручаем, если что. Сейчас вон у Саши-татарина из Кемерово стоят, из Новокузнецка» (турист-старожил, опыт пребывания более 40 лет).

Весь этот спектр поведенческих паттернов укладывается в обладание неявным знанием, подкрепленным непосредственной деятельностью. Социальный порядок так или иначе обнаруживает себя через практики, которые конструируются вокруг конкретных смысловых категорий.

Но «берег» текуч: на смену одним отдыхающим приходят другие, что требует от «регулярных» и старожилов непрерывного подтверждения своего величия. Право пользования созданной ими береговой инфраструктурой все чаще ставится под сомнение новыми пользователями берега, рассуждающими о готовности платить за услуги (уборку мусора, организованные стоянки и туалеты). Проблема «удержать место» обозначается старожилами как главная в настоящее время, и укорененность как императив справедливости при доступе к береговым ресурсам теряет значение.

Областью согласия для береговых и собирателей становится ценность первозданности бора. Раздражает мусор, потребительское отношение к ресурсам, аргументы строятся в эстетическом регистре, тем самым актуализируется мир вдохновения. Эстетическое и эмоциональное погружение в ландшафт сопровождается практики природопользования как горожан, так и сельских жителей, береговых регулярных и «залетных» туристов. Показательно, что получает собственное содержательное наполнение самостоятельная практика *«выехать в бор подышать»*.

Главный конкурент патриархального порядка – рыночный мир как мир потребления – на берегу и в бору определяется с позиций ревнителей патриархальности как хищническое отношение к ресурсам бора, оспаривающее укорененность в качестве основания величия. *«Сейчас приехали, нагадили и уехали»*, – говорят туристы-старожилы о «залетных», случайных горожанах, туристах выходного дня.

Традиционное для сельских жителей собирательство на продажу как постоянная или эпизодическая хозяйственная практика содержит в себе элементы рыночного и научно-технического порядков. Первый заключается в точном расчете времени и места продажи грибов, оценке предполагаемой выручки, характерных

для немногочисленных профессиональных грибников, однако действующих все же в рамках общей культуры «жизни бором».

«Я и бензин экономлю. И если у меня быстро купили, я второй раз, бывает, что по два раза мы ездим. <...> То есть я вышел продал, поехал пообедать и опять в лес, вечером еще раз продал» (Завьялово, профессиональный грибник).

Такому периферийному, локальному рыночному порядку, вырастающему из патриархальности, противостоит рыночный мир собирателя, использующего различные технические приспособления, увеличивающие скорость сбора, но разрушающие первозданный ландшафт.

«Приезжие, ну и некоторые местные <...> станком, то есть вместе с листьями, и потом на этом месте ягоды не будет, либо будет, но через три года, через пять» (подборица, глава сельсовета).

Научно-технический императив объясняет использование возможностей заработка на продаже грибов и ягод сельскими жителями в ситуации отсутствия постоянной работы.

«Местные зарабатывают себе. <...> Грибы когда шли, они вон все сидели, торговали. Это не случайный заработок особо, потому что здесь работать негде» (Завьялово, житель села).

Мир берега и бора предсказуем в своей компромиссной патриархальности и вдохновенности местом: здесь функционирует общепринятая культура собирательства и туризма, но отношения усложняет активное проникновение рыночного императива справедливости, призывающего «здесь и сейчас» сполна использовать ресурсы бора.

Местные и дачники: основания конвенций

Каждая конкретная ситуация появления актора в селе (по факту рождения, через наследование, рациональный выбор места сезонного проживания или иные жизненные истории) порождает пересечение конкурирующих социальных миров.

Приток горожан-дачников в село в тоске по «настоящему» патриархальному миру или в поисках вдохновения приводит к отчасти противоположному результату: в мир деревни врывается рыночный порядок, призывающий к обладанию редкими благами, в частности, дарами леса, или предлагающий новые практики хозяйствования (придомовая торговля продукцией личного подсобного хозяйства).

«Ну, они в достатке, что их жалеть, они приезжают для своего удовольствия порыбачить, отдохнуть, за грибами» (Абрашино, жительница села про дачников).

Другая практика, проводящая водораздел между рыночным и патриархальным миром – способ организации приусадебного участка и в целом огородничества, а точнее, ориентация на его минимизацию. Привычный, традиционный для патриархального мира разработанный огород не входит в планы «тунеядцев»-горожан.

«<...> которые тунеядцы, они засеют все газонами и лежат. А ягодку захочется покушать – они пришли, купили и все» (Ерестная, коренная жительница деревни).

Но горожане становятся угрозой патриархальному миру и примеряя на себя новые роли – производителей (фермеры) и продавцов произведенной на приусадебных участках продукции, часто вступая в конкуренцию за потребителя с немногими рыночно ориентированными местными жителями. И этот мир приносит в деревни новые нормы – отказ от традиционных личных связей с местными в пользу поддержания сетевых отношений «с городом» и «городскими».

Действие рыночного мира уравнивается миром вдохновения, значимым и для местных, и для дачников, хотя последние транслируют эмоции публично существенно чаще. «Влюбленный с первого взгляда» дачник – повторяющаяся история появления горожан в боровых деревнях.

«И я тогда влюбилась, сказала: “Вот здесь бы я взяла себе дачу. Участок в любом виде, даже клочок земли”» (Ерестная, дачница).

«Вот я приехал сюда покормить пять-шесть лет назад. Влюбился в деревню по уши» (Ерестная, житель).

С увеличением длительности проживания в конкретной локации (даже несмотря на сезонность) дачники-горожане могут принимать общие патриархальные императивы справедливости, открыто формулируя свою контрпозицию рыночному миру с его постоянным стремлением удовлетворения желаний.

«Местные жители отличаются от городских. <...> Уже у детей мы прививаем трепетное отношение к нашему бору. А городские, конечно, простите меня, очень нехорошо ведут себя, многие, не все, конечно» (Ерестная, укорененный дачник).

Чувство принадлежности и личное отношение к бору, в определенном смысле одушевляющее его, составляют идентичность местных жителей, поскольку бор важен для них как нечто неизменное, как самостоятельное существо.

«Это наша жизнь. Мы здесь прожили, мы здесь родились, понимаете? Мы выросли, и он часть нас» (Нижнекаменка, коренная жительница села).

Мир репутации также, скорее, антагонистичен патриархальному миру в виду того, что последний стремится к постоянству и закрытости. «Отказ от секретности и закрытости – это жертва, которую нужно принести за достижение величия в мире репутации» [Болтански, Тевено 2013, с. 284].

«Каракан» как бренд – ключевой объект мира репутации. Будучи весьма популярным в сфере неорганизованного туризма, он постепенно включается в топонику туристического бизнеса: «Чтобы стать знаменитым, нужно иметь имя, или для изделий – название марки, которые указываются на том или ином носителе информации, ярлыке, этикетке или бейдже» [Болтански, Тевено 2013, с. 283]. Это, например, гостевой дом «Караканское подворье» и сувениры-«караканчики» в магазине у паромы в с. Нижнекаменка, караканский мед на пасеке в гостевом доме «Апи-хуторок», с. Битки (подборица). В этот мир также включены субъекты туристического бизнеса, организующие туры выходного дня в бор⁸, то есть «посредники, в задачу которых входит создание и продвижение репутации» [Болтански, Тевено 2013, с. 283]. Но эти же субъекты представляют и рыночный мир в ландшафте бора и пространстве его сел и деревень, с переменным успехом поощряя местных к участию в розничной торговле.

Сельские жители и дачники объединены в противостоянии с горожанами-туристами и отдыхающими, которые нарушают патриархальный уклад, оставляя в бору мусор и нарушая скоростной режим, перекрывая доступ к традиционно используемым для отдыха береговым зонам. Кроме того, конвенциональность пользования бором для дачников основана на значимости изоляции, общем принципе сохранения уединенности, физической и символической оторванности от города, нетронутости природы (тишина, чистота).

И патриархальный мир местных жителей, и компромиссная патриархальность укорененных дачников, и мир вдохновения в лице «новых влюбленных» дачников стремятся к одному императиву справедливости – ценности бора как уникального природного ресурса, который интерпретируется как требующий сохранения и невмешательства. Эта консервативная установка может быть препятствием для сценариев развития, предлагаемых другими мирами, однако именно она в ситуации дистанцирования органов власти от регулирования и защиты сложившегося природного и культурного ландшафта способствует сохранению главной рыночной ценности территории.

Лесозаготовители и иные лесопользователи: конфликт как источник согласия

Лесозаготовительная деятельность, вызывающая негативную реакцию разной степени эмоциональности, – одна из наиболее устойчивых когерентных ситуаций

⁸ Например, программа: «Ордынское кольцо» // Центр туризма и отдыха «Гилена» // <http://экскурсииновосибирску.рф/ordynskoe-koltco>, дата обращения 12.12.2023.

в социальном ландшафте бора. Лесовозы, едущие по разбитым боровым дорогам, стоящие в очередях на переправы или ждущие наступления темноты на обочинах – устойчивый образный ряд. Период 2006 и 2008 гг., когда после передачи лесов в аренду, принятия нового лесного законодательства и пожара в бору с юга и почти до севера, запомнился местным и дачникам как страшный.

«Было двадцать восемь пожаров и довольно-таки немаленькие. <...> Точно так же, как вот тот большой пожар 2006-го года, ничего себе он махнул. <...> Каменку-то всю почти смахнул» (мастер леса).

[Рождались слухи, что – прим. авторов] *«<...> чуть ли не паяльными лампами как бы стволы метят, <...> потому что разрешено. <...> Но так изуродован лес» (Ерестная, дачница).*

Для иных пользователей бора коллективные субъекты лесозаготовок радикально не определены и дистанцированы: «они» – те, кто принимает решения, «они» – те, кто рубит, «они» – как правило, «алтайцы», «киргизы», «китайцы», «неместные», то есть чужие. Местные не включены в процесс, несмотря на наличие более десятка небольших коммерческих лесопилок и, соответственно, заготовителей в селах бора. Причем масштаб вывозимых ресурсов не сопоставим с их коммерческой активностью.

Примечательно, что именно в этом сюжете нормативный взгляд на ситуацию транслируется с опорой не столько на патриархальный, сколько на гражданский мир как мир солидарности, полномочий и законности – «общее пользование, но по закону».

«Людам жалко, народное добро уходит неизвестно кому» (Малетино, житель).

Ни один из информантов, апеллируя к императиву законности, не пытался обосновать приоритетное право на ресурсы именно своей группы: местные идут наравне с городскими, оставшиеся – с уехавшими, но вернувшимися дачниками: лес нужен всем, и справедливо его законное пользование всеми, кто имеет отношение к бору. Однако гражданский мир противопоставлен рыночному и осуждает построенные на нем позиции в отношении общего блага.

«Так это частники только могут договариваться, а вот, например, если лесхоз просит кого-то, что “поехали, пожар мне опашем”, тот скажет: “За четыреста рублей – бери лопату и сам копай”» (мастер леса).

Не менее часто местными жителями упоминаются императивы эффективности, целесообразности, ответственности «за производство, в силу владения будущей ситуацией» [Болтански, Тевено 2013, с. 325].

«Делай на них что хочешь, ответственности никакой. Поэтому и у людей такой же ответственности не стало. Сейчас, конечно» (Ерестная, дачник).

Эта аргументация происходит из научно-технического мира, часто комплементарного гражданскому. Лесозаготовка на протяжении многих десятилетий была главной производственной компонентой жизни бора. Лесхозы советского и отчасти постсоветского периода не просто обеспечивали жителей работой, но были главным регулятором жизни боровых населенных пунктов. Обладая ресурсами, лесхозы замыкали на себе не только хозяйственные, но и социальные функции.

«Ну, так не обращались в сельский совет, как в лесхоз. <...> Вот эти все материальные вопросы <...> мог решить он. Он сильный, у него есть ресурсы» (береговая линия, глава сельсовета 2).

Высокая вовлеченность жителей в производственную деятельность системообразующего для боровых сел предприятия на протяжении нескольких поколений способствовала формированию среди жителей, наряду с патриархальным миром, нового научно-технического социального мира: «<...> Где порядок основан на эффективности людей и вещей, их результативности, производительности, их способности обеспечить нормальное функционирование, приносить пользу, отвечать потребностям» [Болтански, Тевено 2013, с. 319].

Десятилетия базовым предприятием северной и центральной части Караканского бора, вплоть до границы Алтайского края, был Чингисский лесхоз (96 тыс. га леса), число постоянно работающих составляло 200 чел., а в сезон доходило и до 300. В 2006 г. он был объединен с Ордынским лесхозом (36 тыс. га леса), расположенным на другой стороне Обского водохранилища.

«Оставили контору в Ордынке, <...> и большую часть лесов передали в аренду. <...> Наша сторона потеряла очень много. <...> И до Москвы доходили, ничего не помогло. <...> Всех итээровцев в управление, все на ту сторону. Практически все люди поувольнялись. <...> Здесь работает в пределах 15-ти человек, цех переработки у нас есть» (береговая линия, глава сельсовета 2).

Взгляд на бор через призму научно-технического мира привычен поколениям местных жителей, воспитанным в лесохозяйственном укладе; он рационален, сфокусирован на конкретных проблемах и технологиях их решений. Здесь несправедливостью является не незаконность, а неэффективность, особенно если от нее страдают местные жители. Разбитые лесовозами дороги, которые в соответствии с культурой правильных рубок должны быть восстановлены, и отказ в этом «рынка» (предпринимателей, осуществляющих аукционные рубки) как «оплатившего право не убирать за собой» возмущают местных жителей, воспитанных на другой культуре рубок.

Научно-технический мир транслирует дифференцированное отношение местных к рубкам, отличающееся от требований тотального запрета горожанами-активистами из числа туристов и дачников: «*Надо рубить, но надо рубить ограниченно!*» (береговая линия, глава сельсовета 2). Здесь ценится статистика, которая свидетельствует, что в последнее время пожаров становится меньше. Но научно-технологический мир плохо совместим с рыночным, если последний реализуется в условиях неясных правил, эгоистично реинтерпретируя общее благо. И если в отношении быстро возобновляемых ресурсов бора, таких как грибы и ягоды, у многих информантов, не вовлеченных в мир рыночных отношений, наделение их рыночной ценой при условии соблюдения правил не вызывает возражений, то превращение леса, главной ценности бора, в отчуждаемую собственность рождает протест.

«Буквально: вы заходите за мой огород. В прошлом году там была деляна. Там видно, что там остатки напильные, набросанные, весь молодняк они, как тракторами ездили, поломали, короче говоря, ну, безобразия полное» (Завьялово, житель).

Наряду с разбитыми лесными дорогами еще один триггер для представителей научно-технического мира – порубочные остатки.

«Люди возмущаются еще тем, что <...> вот остаются порубочные остатки, добрый лес забрали, говорю, ну, отдайте людям, а им дешевле сжечь на месте, чем везти людям. И, конечно, все недовольны. Ну почему бы нам не привезти вот эти порубочные <...> тонкомер, порубочные остатки, по какой-то цене продать. Они нам нарушили весь Караканский бор, и – никакой отдачи» (Чингис, жительница села).

Если для рыночного мира неустойчивое состояние – норма, то носителю технического мира нужна стабильность. Возможно, сложность совмещения императивов технического мира с настоящими регулятивными нормами хозяйственных практик – это один из факторов, затрудняющих включение жителей боровых деревень в предпринимательскую деятельность. Но и эти миры могут быть не антагонистичны. Право на заработок (прибыль) как императив признается и декларируется («*люди должны заработать*») в случае соблюдения правил: «*Мы ставили ленточные рамы, <...> то есть для того, чтобы каждый участок зарабатывал себе деньги*» (береговая линия, глава сельсовета 2).

Попытки совместить в имеющемся ландшафте несовместимые мир рынка и патриархальный мир, где высока ценность щедрых даров и приличий, запускают сложные обменные процессы.

«Пользуясь, богатея на нашем лесе <...> они это, <...> ну, на Новый год подарки сделают, <...> могут там 3–5 тысяч дать на мероприятие. Они дают, не отказывают, вот, но это ни о чем, пользуясь нашим лесом, понимаете?» (Нижнекаменка, жительница).

Но если дары адекватны величию, то позиция меняется.

«Но я на [коммерческую организацию, лесозаготовителя – прим. авторов], как говорится, вообще не грешу, потому что они это <...> отслеживают, они чистят берег, понимаете?» (Нижнекаменка, жительница).

Однако «одаривая», носитель рыночного мира мало что получает взамен, и в первую очередь не получает адекватных его задачам работников из местных, утративших за последние 10–15 лет профессионализм и мотивацию. В бору пилят преимущественно приезжие, что еще больше отдаляет мир рынка от обитателей бора. В свою очередь нарративы местных предпринимателей удивляют своей нерыночной риторикой. Балансируя между миром техническим и патриархальным, они, видимо, не получая адекватного запроса на коммерческие отношения от местных, сознательно избегают рыночной риторики.

Однако есть ситуации, когда эти два мира сближаются, например, их носители высоко оценивают в неопределенности контекста и правил персональную «договороспособность» лиц, обладающих в бору хотя бы некоторой властью.

И.: *«Он был жулик, с ним было легко»* (охранник базы отдыха).

И1: [перебивает – прим. авторов] *«...договориться обо всем»* (жена охранника).

Сегодня в плане текущего режима лесопользования рыночному миру в бору противостоят и научно-технический, и патриархальный, и гражданский. Даже коммерческие акторы рассматривают сегодняшнее устройство рубок как патологию. Присущие им императивы не унифицируются, но солидаризируются во мнении акторов, носителей разных миров, занимающих позицию против слабо контролируемых рубок. Проблемы лесозаготовки выступают в качестве когерентной ситуации, вокруг которой возможна выработка коллективных норм. Диапазон возможных действий, однако, в основном ограничен жалобами в органы власти.

Заключение

Караканский бор находится на пересечении множественных социальных миров, носители которых – дачники, местные жители, береговые туристы, собиратели, деловые лесозаготовители и другие пользователи бора. Его социальный ландшафт сегодня разобран на параллельные вселенные, и обитатели одних порой старательно отводят взгляд от обитателей других, порой вступают в конфронтацию за транслируемые ими правила пользования «своим» бором. При этом объективная близость этих миров – в первую очередь миров различных хозяйственных целей, но в значительной мере и субкультурных миров города и деревни – не дает возможности выстроить непроницаемые барьеры.

Общая, ценная для всех территория, определяющая тактики взаимодействия, – это логика патриархального мира, которая имеет особое значение в силу исторической специфики хозяйственных практик в бору. Производя легитимный эффект укорененности, патриархальный град, опираясь на присущую ему логику справедливости, обеспечивает основания для предъявления права на бор и привилегированной позиции в конфликтах и контрактах по поводу пользования пространством. Однако патриархальный мир с присущими ему ценностями не может стать альтернативным основанием сохранения человеческого капитала территории, и его подспудное доминирование препятствует формированию точек роста, предлагаемых другими мирами. При этом патриархальная норма испытывает давление конкурирующих нарративов справедливости и не может выступать в качестве тотальной. Также эффект укорененности – это глубоко личный эффект, не сводимый к формализуемым поведенческим нормам.

Разделение на «своих» и «чужих» проходит лейтмотивом через отношения разных акторов, но также симптоматична общая неспособность отделить особенности «своих» от поведения конкретных людей или коллективных субъектов. Патриархальный мир – наиболее естественный ресурс универсализации конкретно в Караканском бору и при этом наименее универсалистский по содержанию своих критериев справедливости: в нем есть основа для объединения, но она плохо воспроизводима, громоздка и начинена рисками изоляции. Казалось бы, для объединения лучше подходит гражданский мир, однако пространственная изолированность самого бора, его поселений, распространенность эскапистских практик среди приехавших дачников и туристов являются значительным препятствием. Аналогично и мир рынка не претендует на эту роль, поскольку негласно не одобряем большинством пользователей бора. Этот мир редко проявляет себя даже в интервью с информантами, объективно принадлежащими к нему, – лесозаготовителями, представителями туристического бизнеса, профессиональными грибниками.

Тем не менее значительная часть обыденных практик, начиная с «тихой охоты» и заканчивая отдыхом на береговых стоянках, обязаны своим очарованием патриархальным культурам собирательства и туризма. Предсказуемость и традиционность практик обладают большим значением для пользователей, чем взгляд на бор как на рекреационный ресурс или общественное благо. Вместе с тем, и внутри рыночной, и внутри гражданской логик статус-кво рассматривается как неэффективный ни в плане удовлетворения отдыхающих (отсутствие инфраструктуры), ни в плане реализации деловых возможностей (простота открытия бизнеса) для развития рекреационной отрасли.

Наибольшим потенциалом для изменения создавшегося положения и возникновения общезначимой когерентной ситуации обладает сюжет, связанный с лесозаготовкой. В отличие от пронизанных остаточными патриархальными логиками напряжений по поводу отдыха и совместной жизни в населенных пунктах (режимы локальной значимости), в ситуации с лесозаготовкой на приоритетных правах включаются гражданский, научно-технический и рыночный миры. Ситуация высшего согласия между мирами касается леса как наиболее значимого ресурса с поправкой на логики разных миров: *сохранность бора представляется высшей ценностью.*

Апелляция к ней может служить точкой пересечения логик справедливости отдельных миров и тем самым определять возможности их сближения. Для этого необходимо взаимное принятие существования множественности социальных миров бора, взгляд на бор без фильтров и идеализации. Однако не все миры обладают потенциалом для прямых компромиссов. Соотнося между собой гражданский и рыночный мир, Л. Тевено и Л. Болтански отметили: «Мы не нашли ни одного примера компромисса между этими формами величия» [Болтански, Тевено 2013, с. 483]. Перспективы поиска оснований согласия возможны благодаря неоднократно отмеченным выше «многомирности» пользователей бора и множественности формирующихся между ними контрактов. Гражданский мир открывает возможности величия через функцию представителя коллективных образований в поддержании и переопределении складывающихся контрактов, что особенно значимо для укорененных пользователей бора. В пределах достаточно насыщенного социального ландшафта бора ценности этого мира органично дополняются запросом носителей патриархальности вести себя «по-человечески» [Болтански, Тевено 2013, с. 457], а также действиями исходя из здравого смысла. Потенциалом для связи между антагонистическими мирами обладает научно-технический мир, и происходит это не столько благодаря свойственным ему ценностям справедливости (готовность, порядок, эффективность), совместимым с ценностями гражданского и рыночного миров, сколько принятием его ценностей многими пользователями бора, включая лесозаготовителей (местных или ориентированных на длительную аренду). Но из этой логики построения компромиссов выпадают кратковременные пользователи бора – «одноразовые» туристы, часто незнакомые с культурой пользования бором, и лесозаготовители, осуществляющие рубки по итогам участия в аукционе. Именно они часто становятся источниками раздражения в социальном ландшафте, который вопреки всему сохраняет устойчивость и воспроизводимость.

Социальный ландшафт Караканского бора – это модель социально-политического вызова, который в широком смысле переживает вся Россия. Обстоятельства, подталкивающие к формированию коммуникации, солидарностей, коалиций, конвенций, – это обстоятельства усложнения и сгущения жизни. От взвешенного размышления на тему формирования этих обстоятельств и верного ответного действия удерживают оборонительная экзистенциальная позиция и отсутствие видимых перспектив для управляемых изменений. Это симптоматично не только для пользователей Караканского бора. Его пользователи – это узкий круг, переживающий общечеловеческую проблему в миниатюре. Их возможности и ограничения, успехи и провалы – это комментарий к описанию потенциала нашего общества к договору, солидарности и согласию.

Список источников

- Абельс Х. (2000) Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя.
- Болтански Л., Тевено Л. (2013) Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение.

- Виноградский В.Г., Виноградская А.Я. (2023) Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 23. № 2. С. 355–367. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367
- Геттнер А., Торнеус Е., Баранский Н. (2006) Эстетическая ценность ландшафта // География. № 6 // <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200600612>, дата обращения 15.07.2023.
- Жданов В.Л. (2013) Геополитические теории и процесс их эволюции // Социально-гуманитарные знания. № 2. С. 279–286 // <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskie-teorii-i-protsess-ih-evolyutsii/viewer>, дата обращения 12.12.2023.
- Любимова Г.В. (2020) Ресурсные конфликты сквозь призму антропологических теорий: «ресурсное проклятие» и «трагедия общинных ресурсов» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 26. С. 764–769. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.764-769
- Плюснин Ю.М. (2013) «Свой» и «чужие» в русском провинциальном городе // Мир России. Т. 22. № 3. С. 60–93 // <https://mirros.hse.ru/article/view/4990/5350>, дата обращения 12.12.2023.
- Сычев А.А. (2015) Этико-экологические измерения проблемы общинных ресурсов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 1–3. С. 737–741 // http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2015/2015_1_737_741.pdf, дата обращения 29.07.2023.
- Труфанов Д.О. (2020) Сопrotивление социального ландшафта: «варварство» и «цивилизация» в социальном пространстве // Siberian Socium. Т. 4. № 1 (11). С. 8–22. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-1-8-22
- Шумкин Г.Н., Шумкина Т.Г. (2017) Социальные ландшафты Российской империи в середине XIX века // Вопросы всеобщей истории. № 19. С. 312–322. DOI: 10.26170/vvii17-01-35
- Ryan R.L. (2011) The Social Landscape of Planning: Integrating Social and Perceptual Research with Spatial Planning Information // Landscape and Urban Planning, vol. 100, no 4, pp. 361–363. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2011.01.015
- Sale K. (1985) Dwellers in the Land: The Bioregional Vision, San Francisco: Sierra Club Books.

The Social Worlds of the Karakan Pine Forest: Prospects for Rapprochement and Imperatives of Justice

I.A. SKALABAN*, T.D. ALEKSEEV**, P.E. LAVRUSEVICH***

***Irina A. Skalaban** – DSc in Sociology, Professor, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, skalaban@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8308-19>
****Timofey D. Alekseev** – Senior Lecture, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation, veretur@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4608-3078>
*****Polina E. Lavrusevich** – Senior Lecture, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation, p.lavrusevich@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0275-1177>

Citation: Skalaban I.A., Alekseev T.D., Lavrusevich P.E. (2024) The Social Worlds of the Karakan Pine Forest: Prospects for Rapprochement and Imperatives of Justice. *Mir Rossii*, vol. 33, no 1, pp. 115–143 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-1-115-143

This article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

This article was received in September 2023.

Abstract

This study concerns the interaction of various orders of worth that produce a distinct social landscape in the Karakan pine forest in Southwest Siberia. The data, which consist of diary entries and interview transcripts, were acquired during three sociological expeditions in 2021–2022. The article accounts for three core problem strands of contemporary economic and social life in the forest which encompass most of the tensions between different orders of worth. (1) The relationship between seasonal and year-round residents; (2) the coexistence of vacationing outdoorsmen and foragers; and (3) the organization of lumber harvesting. These storylines help to draw an analytic scheme of discursive tendencies guiding the emergence of new economic and communicative practices. The most general tendency results in the formation of a coherent situation between the civic, scientific, and market orders of worth to consider the forest as a priority value as a whole, as opposed to patriarchal modes of assessment rooted in particular relationships and tacit knowledge of forest users.

Keywords: *social landscape, social worlds, natural landscape, Karakan pine forest, agreement, common good, imperatives of justice, pragmatic sociology*

References

- Abels H. (2000) *Interaction, Identity, Presentation: An Introduction to Interpretive Sociology*, Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).
- Boltansky L., Thevenot L. (2013) *Criticism and Justification of Justice: Essays on the Sociology of Cities*, Moscow: New literary review (in Russian).
- Gettner A., Torneus E., Baransky N. (2006) Aesthetic Value of the Landscape. *Geography*, no 6. Available at: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200600612>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Lyubimova G.V. (2020) Resource Conflicts through the Prism of Anthropological Theories: “Resource Curse” and “Tragedy of Commons”. *Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*, vol. 26, pp. 764–769 (in Russian). DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.764-769
- Plyusnin Yu.M. (2013) “Friends” and “Strangers” in a Russian Provincial Town. *Mir Rossii*, vol. 22, no 3, pp. 60–93. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/4990/5350>, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Ryan R.L. (2011) The Social Landscape of Planning: Integrating Social and Perceptual Research with Spatial Planning Information. *Landscape and Urban Planning*, vol. 100, no 4, pp. 361–363. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2011.01.015
- Sale K. (1985) *Dwellers in the Land: The Bioregional Vision*, San Francisco: Sierra Club Books.
- Shumkin G.N., Shumkina T.G. (2017) Social Landscapes of the Russian Empire in the Middle of the 19th Century. *Questions of General History*, vol. 19, pp. 312–322 (in Russian). DOI: 10.26170/vvi17-01-35
- Sychev A.A. (2015) Ethical and Environmental Dimensions of the Problem of Community Resources. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 17, no 1–3, pp. 737–741. Available at: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2015/2015_1_737_741.pdf, accessed 12.12.2023 (in Russian).
- Trufanov D.O. (2020) The Resistance of the Social Landscape: “Barbarism” and “Civilization” in the Social Space. *Siberian Socium*, vol. 4, no 1 (11), pp. 8–22 (in Russian). DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-1-8-22

- Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya. (2023) The Phenomenon of Self-organization of the Rural Population: Principles and Prospects of Research. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 23, no 2, pp. 355–337 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367
- Zhdanov V.L. (2013) Geopolitical Theories and the Process of Their Evolution. *Social and Humanitarian Knowledge*, no 2, pp. 279–286. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskie-teorii-i-protsess-ih-evolyutsii/viewer>, accessed 12.12.2023 (in Russian).